

МОИ ТЕБЕ ЧУЖИЕ ПИСЬМА

Один человек, страстный садовод, пытался натянуть нити вдоль грядок, на которых он посеял салат-латук, для того, чтобы защитить его от птиц. Его жена вернулась из магазина и обнаружила паутину из нитей, завязанных сложным и бессмысленным образом, вне зависимости от направления грядок. Это был первый признак того, что в последующем оказалось слабоумием.

(Из книги по психиатрии.)

— Закрыв глаза и посмотрев на свет, на белый свет, продольный и огромный, скажу: — Мне было шесть, а стало тридцать шесть, а что там между — я уже не помню.

1.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

2.

Есть такое понятие «открытые блоги», электронные дневники. Раньше были дневники Шелли, Байрона, потом Марины Цветаевой, потом Анны Франк (девочки спасавшейся от фашистов во французском подполье), а вот теперь наши — открытые всем ветрам: простые, загадочные, тупые, как лопухи у дороги... Вот девушка пишет: *о как я хочу уехать отсюда!* — а потом узнаешь, что это была ее последняя запись (ее вроде изнасиловали и убили), а вот уже взрослая женщина пишет, вспоминая свое детство в советской больнице (ей нет еще 40):

« я подошла к ней ночью и положила ей на лицо подушку, потому что это был мой единственный выход так как я не могла больше терпеть их унижения и побои, но я и теперь ни о чем не жалею» — но всё не так страшно (как же не страшно?), чаще смешно, вызывающе, неинтересно...

3.

Едва осознана мужская красота, но тут же схвачена и заперта в подвале.
- Скажи, что там осталось от тебя, нецарский сын, князьёныш и царевич, в 1492 году, 20 сентября, четырнадцатилетний Иван, семилетний Дмитрий Андреевич?

- Ничего я вам не скажу, гуси-лебеди вы, дураки, — отвечает князьёныш (наверное, кареглазый), во влажной рубашке, истлевший, из самой земли...
... А я пишу тебе второе письмо: *«Здравствуй, видно, чего-то сильно мне не хватило в этой жизни (или хватило выше крыши) если я — к человеку, который к тому же и младше меня — обращаюсь с приказом, нет, с требованием — понимания и пощады».*

4.

В этом смысле — открывая жизнь, подорожники, лопухи становятся невиданным опытом (всем предшественникам непонятным):
— Всё тайное когда-то становится явным, — говорят нам они.
— Нет, всё тайное становится явным **сегодня**, — им отвечаем мы из лопухов подзаборных, из-под лютиков неопрятных.

- Сам подумай, что именно ты много-много столетий спустя перепугаешь леску, морковку от птиц охраняя, оглянешься, увидишь: стоит у калитки твоя молодая жена, а ты даже не вспомнишь, как звать ее — Наденька? Рая?

Дмитрий Воденников (род.1968) — лидер «новой искренности», автор пятинкинг. Создатель и ведущий нескольких программ, посвященных современной поэзии на «Радио России»: «Поэтический минимум» и «Своя колокольня». Также ведет совместный радио-проект с Максом Фраем «Свободный вход» (на fm-частоте 97 и 6). Книга «Холидей» вошла в горячую десятку книг 1999 года («Независимая газета»). Книга «Мужчина тоже могу имитировать оргазм» была признана одной из лучших книг 2003 года (Профессиональная премия «Московский счет»). Книга «Вкусный обед для равнодушных кошек» была названа событием по итогам книжного сезона 2005 года по мнению газеты «Книжное обозрение». Московским клубом О. Г. И. выпущен диск поэта: «Воденников не для всех» с авторским чтением стихов. В сентябре с.г. выходит новая книга Воденникова «Черновик» (СПб, Пушкинский фонд). Сейчас живет затворником. Недосыгаем.
Официальный сайт: <http://www.vodennikov.ru>

А может все же и порывал, потому что оно было в каких-то разводах (я люблю разбирать почту в росистых полях). Кто знает — уже не вспомнить. И что я подумал? Что это твое старинное со мной прощание номер три тыщи сорок семь так же соотносится к нашему настоящему прощанию, как тот черновик к готовому продукту?»

5.

Ты мне пишешь: «... Я тебе не нужна как женщина, как живое тело, как живая душа. Я тебе нужна как стихотворенье.

И ты, не осознавая в полной мере силу своего могущества, сделал этим своим стихотворением так, что я в сознании других стала «умирать на глазах», или — что я уже вообще кладбищенская «статуя». Удивляются, увидев живой.

Чего уж тут спорить, мраморное надгробие может быть настоящим шедевром. Твоя роль «тигмалциона-наоборот» меня не обижает, нет. Ты на самом деле не виноват. Я не хочу, чтобы ты за прошлое винил себя. Просто имей ввиду — мне вполне хватит одного надгробья. И больше не надо, договорились?»

6.

Я тебе пишу: «... Мне очень понятна тоска тютчева, когда он идет вдоль большой дороги. Потому что он взывает к костям и праху. Или к ангелу, что в сущности не важно. Он хочет не потереться причинным местом через фланельку брюк об этот призрак, если бы тот явился на мгновение. Он просто хочет его обнять. НО НЕ МОЖЕТ.

А я мог. Как я мог обнять её, когда она уходила по улице после вечера 22 декабря в ОПИ, когда мы увиделись первый раз после разрыва. Мы стояли замерев какие-то 10 секунд на темной улице, чувствуя, как бьется у нас человеческое сердце, но мы знали, что ближе нас уже никого не будет. И что изменить ничего невозможно. И СЕРДЦЕ НА КЛЮЧКИ НЕ РАЗОРВАЛОСЬ, — как сказал тот же Тютчев. Ну что ж, зато теперь оно разрывается постоянно.»

7.

Ты — мне пишешь: «... и вот, в куче старых штрафов за неуставную парковку нашел твое раритетное письмо. От 15 Июля 2003 года. Распечатка на принтере. Письмо, понятное дело, было прощальным. Зачем я его некогда распечатал — не знаю. Наверное хотел порыват над ним в лотухах, но по живости природы отвлекся и забыл.

8.

Вот и мы точно так же строчим эти письма — к тебе, ни к кому, к никому, в ни зачем — как китайские Gucci и Prada. — Жизнь прожить, не запачкав подошвы, нельзя никому, у меня на подошвах — две бабушки, мама и Прага.

9.

Но куда — в 12 раз, поимённо (имейте ввиду) огрубевший, медовый, июльский, тупой и медвежий — в 21 столетие цветет, распускаясь у всех на виду, мой единственный письменный ты, мой бессмысленный стихотворешник,

10.

и куда над этим над всем — над проплешинами земли, над Древней Русью, над петровской Россией, над Советским Союзом, над новой Россией плывет, неважно кому адресованное (да я и не помню): маме ли, Лене, отцу ли, сестре или Коле, (потому что всё это сейчас мне важнее — всех наших любовных историй), — мое золотое письмо, я сажусь и пишу:

... И вот только тогда через сутки, уже в Москве, за минуту, как пришла твоя смс-ка, я вдруг понял, ЗАЧЕМ Я ЕХАЛ ТУДА. Через все месяцы, все километры, через эти три дня. Я ехал, чтоб посмотреть на тебя в упор. И чтобы обнять. Очень может быть, что в последний раз. Как тогда на улице, в поднебесном аэропорту. Просто так: не по-братски, не по-дружески, не как любовник, и не как бывший любовник.

А так просто — на десять секунд, как будто бы навсегда. Вот интересно, стоит вся эта гора времени, все эти безумные километры одного десятисекундного объятия

апрель-июнь 2006

